

положения. Во-первых, регламентирование в кодексе или отдельном законе самостоятельной главы, в которой сгруппированы нормы, раскрывающие порядок, условия исполнения, отбывания уголовного наказания в виде обязательных работ. Во-вторых, наличие в структуре самостоятельной главы, как правило, шести статей: «Порядок исполнения наказания в виде обязательных работ», «Условия исполнения и отбывания наказания в виде обязательных работ», «Исчисление срока наказания в виде обязательных работ», «Обязанности администрации организаций по месту отбывания осужденными обязательных работ», «Ответственность лиц, отбывающих наказание в виде обязательных работ», «Уклонение от отбывания наказания в виде обязательных работ» (Модель Уголовно-исполнительного кодекса Содружества Независимых Государств, кодексы Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Латвии, Молдовы, России).

Среди отличительных признаков правового регламентирования уголовно-исполнительного процесса наказания в виде обязательных работ, присущих нескольким странам, особый интерес представляют следующие положения: структура самостоятельной главы, в которой сгруппированы нормы, раскрывающие порядок, условия исполнения, отбывания уголовного наказания в виде обязательных работ, состоит из пяти статей (Грузия, Кыргызстан, Таджикистан, Украина); в ряде стран не регламентируется самостоятельная норма, посвященная исчислению срока наказания в виде обязательных работ (Армения, Молдова); самостоятельной нормой определяются полномочия местных исполнительных органов при исполнении наказания в виде привлечения к общественным работам (Казахстан) или обязанности органов местного публичного управления по обеспечению исполнения наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества (Молдова).

Среди отличительных признаков правового регламентирования уголовно-исполнительного процесса наказания в виде обязательных работ, присущих отдельным странам, представляют интерес следующие положения: самостоятельная глава, регламентирующая порядок и условия исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ, содержится не в Уголовно-исполнительном кодексе, а в специальном Законе «О превенции преступлений, порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и probation» (Грузия); самостоятельная глава, регламентирующая порядок и условия исполнения, отбывания наказания в виде обязательных работ, содержится не в Уголовно-исполнительном, а в Исполнительном кодексе (Молдова); самостоятельная норма (ст. 194 «Обязанности осужденного»), определяющая обязанности осужденного, закрепляется в гл. XXI «Исполнение наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества» Исполнительного кодекса Республики Молдова; самостоятельная норма (ст. 133 «Обязанность осужденного заявить о себе в структуре исполнения принудительных работ для отбывания наказания»), устанавливающая обязанность осужденного заявить о себе для начала исполнения принудительных работ в территориальное структурное подразделение Государственной службы probation, содержится в гл. 24 ч. 7 «Исполнение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы» Кодекса Латвийской Республики об исполнении наказаний.

УДК 343.8

А.Л. Скуба

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

В последнее время в российской юридической литературе предлагается ряд направлений совершенствования уголовно-исполнительного права, включая формирование уголовно-исполнительного законодательства военного времени. В этом смысле одной из нерешенных является проблема регулирования правового положения военнопленных и обращения с ними, в том числе их разграничения с осужденными, исполнение и отбывание наказания которыми регламентированы УИК Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами. Однако в российских законах правовое положение военнопленных, особенно осужденных, не урегулировано.

Так, в Конституции Российской Федерации вообще отсутствует упоминание о военнопленных, а сам режим военного положения (ч. 2 ст. 87 Конституции) определяется Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», но и в нем о военнопленных также ничего не говорится. При этом данный закон предусматривает возможность интернирования (изоляция) в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права граждан иностранного государства, воюющего с Российской Федерацией (ч. 2 ст. 7 и ч. 2 ст. 14). В этом случае требуют своего урегулирования многочисленные вопросы: в учреждения с каким статусом разрешается помещать военнопленных, особенно осужденных (на наш взгляд, это могут быть исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы России, предусматривающие отдельное содержание интернированных от осужденных к лишению свободы); могут быть такие учреждения открытыми или они должны быть только закрытого типа; какими правами обладают военнопленные; возможно ли осуществлять исправительно-профилактическое воздействие применительно к ним и т. п.? На наш взгляд, такие вопросы требуют своего разрешения в российском уголовно-исполнительном и ином законодательстве.

Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» (далее – Конвенция) содержит некоторые ответы на вышеобозначенные и иные вопросы. Во-первых, по ст. 15 Конвенции держащая в плену держава обязана бесплатно обеспечить содержание военнопленных, включая оказание медицинской помощи (т. е. государство, содержащее этих лиц, в том числе в условиях изоляции, ответственно за состояние их жизни и здоровья, поведение и пр., в том числе осуществляет исправительно-профилактическое воздействие в их отношении). Во-вторых, закреплена гуманность обращения с ними с запретом физического калечения, проведения научных или медицинских опытов (ст. 13 Конвенции) и допущения какой-либо дискриминации (ст. 16 Конвенции). В-третьих, в Конвенции проводится разграничение между «обычными» военнопленными и теми, к кому применены дисциплинарные и уголовные санкции (т. е. осужденными военнопленными). При этом правовое по-

ложение вышеуказанных категорий военнопленных различается: имеет место запрет на выход осужденных военнопленных с территории учреждений закрытого типа (ст. 21 Конвенции); смертный приговор в отношении военнопленного приводится в исполнение не ранее, чем через шесть месяцев (ст. 101 Конвенции); запрещены коллективные и телесные наказания в отношении осужденных военнопленных (ст. 108 Конвенции) и др.

Таким образом, в Конвенции имеются отдельные положения, позволяющие различать правовое положение «обычных», дисциплинарно наказанных и осужденных военнопленных, что должно найти отражение в российском уголовно-исполнительном и ином законодательстве в рассматриваемой области.

УДК 343.9.01

А.А. Тум

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

По мнению представителей научного сообщества, сегодня доминирующее положение занимают гибридные теории о личности преступника, обогащаемые постмодернистскими методами деконструкции и дискурсивного анализа, синергетики и методологической триангуляции. В связи с этим перед криминологией постпостмодернизма ставится новая задача – всесторонне изучить криминальные проблемы в рамках методологического плюрализма с привлечением разноаспектных знаний о феномене преступности и условиях общества постмодерна. На основе достижений криминологической науки в начале XXI в. было сформировано большое количество подходов в отношении теоретической интеграции, сочетающих достигнутые ранее результаты криминологической науки. В рамках сказанного заслуживают внимания рассмотрение теоретических моделей постмодернистской и пост-постмодернистской интеграции криминологических знаний о личности преступника.

В рамках постмодернистской теоретической модели, по мнению ее представителей, на формирование девиантного поведения личности оказывает влияние совокупность субъективных факторов, «чувственных смыслов», детерминированных окружающей социальной средой, в которой проживает личность. В рамках интегративной криминологии постмодерна выделяются следующие теории: 1) интегративную теорию жизненного пути; 2) интегративную эволюционно-экологическую теорию; 3) интегративную теорию Арриго; 4) теорию преступности как структурированного действия. В своих исследованиях ученые, разрабатывающие теории в рамках постмодернистского направления интегративной криминологии, отмечают, что на поведение личности в большей мере оказывает воздействие сложившаяся социальная реальность, скрепленная воздействием средств массовой информации, которая приобретает черты отчужденного и фрагментарного мира. Так, в рамках интегративной теории жизненного пути ее основатели – американские криминологи Р. Сэмпсон и Д. Лауб сделали вывод, что девиантное поведение личности обусловлено ролью взаимодействия социальных институтов, выступающих средствами социального контроля. Во взаимосвязи между собой указанные институты формируют тенденции становления личности преступника.

Концептуально в таком ключе объясняет влияние на личность преступника интегративная эволюционно-экологическая теория американского криминолога Б. Вила. По его мнению, факторы, детерминирующие готовность личности к совершению противоправных поступков, необходимо рассматривать посредством синтеза различных дисциплин: эволюционной экологии, проблемно-ориентированного и дисциплинарно-ориентированного подходов.

Заслуживающими внимания являются криминологические теории следующих американских криминологов: интегративная теория Арриго как синтез наук, выходящих за пределы общественных: психоанализа, социологии, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма. Интерес также вызывает интегративная теория преступности как структурированного действия Д. Мессершмидта, рассматривающего лицо, совершающее преступление, как неотъемлемую часть историко-культурного дискурса, который сформировался за длительный промежуток времени. По мнению Д. Мессершмидта, человек формирует свою идентичность, ориентируясь на социальный контекст и ситуацию, в которой он оказался. Исходя из синтеза указанных факторов человек выбирает наиболее приемлемый вариант поведения (в том числе это может быть и преступное поведение).

Постпостмодернистская интеграция криминологического знания в своей основе исходит из целесообразности объединения всей совокупности знаний о преступности и, соответственно, личности преступника в одну гуманитарную науку. В рамках пост-постмодернистского направления криминологического знания заслуживают внимания ряд теорий, так или иначе затрагивающих проблему личности преступника, среди которых можно выделить модель интегративного синтеза криминологического знания Г. Барака и С. Генри, получившую название интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции. Основой данной теории стала работа Г. Барака «Интегративная криминология», в которой автор обосновал тезис о том, что криминологическое знание требует слияния как позитивистских, так и постмодернистских теорий девиантности. Реализация указанного положения сделает возможным дополнить каждую теорию при взаимодействии криминологических знаний. Эта работа послужила фундаментальной основой интегративно-конститутивной теории, в которой Г. Барак и С. Генри смоделировали процесс формирования личности преступника как результата слияния преступности и правосудия. Ученые попытались связать между собой социологические знания и характеристики – классовые, гендерные, расовые – с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями.

Помимо указанной в рамках криминологической мысли постпостмодернизма возникают теории, которые ранее не рассматривались криминологами. Так, в частности, заслуживает внимания теория профессора Йельского университета США М. Гошага в части восприятия лиц, совершивших насильственные преступления, в качестве таких же жертв преступления, наравне с лицами, в отношении которых осужденные совершили преступление. В обоснование своей теории ученый приводит факт, что 75 % находящихся в исправительных учреждениях осужденных в детстве сталкивались либо с насилием родителей,